

### Глава 3. Третья сила

На следующее утро, стоило Цзян Сяочжоу переступить порог своей комнаты, как он обнаружил Чжоу Ци, уже поджидавшего его у дверей.

Мальчик успел сменить лохмотья на чистое, ладно скроенное платье цвета лунного сияния, собрал волосы в высокий хвост и дочиста вымыл лицо. Сяочжоу припомнил, что в оригинальном романе автор почти не утруждал себя описанием внешности главного героя, однако теперь, глядя на него вживую, ему следовало признать: по крайней мере в детстве тот был на редкость хорош собой.

Узкий, лукавый разрез глаз, пунцовые губы, округлый лоб и острый подбородок — классическое, чуть хищное лисье личико.

Заметив старшего брата, Чжоу Ци приветливо улыбнулся.

«А ведь когда улыбается, выглядит совсем кротким», — лениво подумал Сяочжоу.

— Зачем пришёл? — спросил он.

— Господин глава секты велел мне отныне тренироваться вместе со старшим братом, — ответил мальчик. — Вот я и пришёл подождать тебя.

Чжоу Ци вырос в глуши. Будучи сиротой без роду и племени, он с малых лет побирался, вымаливая кусок хлеба, и со временем выработал собственное незыблемое правило выживания: перед теми, от кого зависит твоя сытость, нужно казаться как можно более кротким и безобидным.

— И давно ты тут стоишь? — поинтересовался Сяочжоу.

— Да нет, только подошёл, — ответил Чжоу Ци.

Однако его одежда уже успела пропитаться утренней сыростью — верный знак того, что он простоял на холодном воздухе не один час.

«Что и говорить, главный герой, — подумал Сяочжоу. — Трудолюбие и самодисциплина поразительные. Неудивительно, что именно ему предначертано спасти мир совершенствующихся».

На самом деле Сяочжоу не испытывал к будущему спасителю каких-то особых чувств. Сюжет романа разворачивался по привычному сценарию: одарённый редчайшим даром Чжоу Ци должен был провести в секте Меча Лянъи десять лет, достигнуть ступени Открытия Разума и

оказаться в шаге от Слияния. Но во время очередного испытания среди учеников затесался лазутчик из царства демонов. Он тяжело ранил юношу и силой вырвал его кость меча. Лишь после этого трагического перелома и начиналась настоящая история.

Потеряв кость меча, Чжоу Ци лишился десяти лет упорных трудов, но именно это несчастье открыло ему путь к невероятным чудесам. Он рос над собой, овладевал тайными искусствами, обзаводился преданными друзьями и возлюбленными... разумеется, наживая по пути толпы смертельных врагов. Позже, когда демоны хлынули в мир людей, Чжоу Ци встал на защиту смертных. Плечом к плечу со своими соратниками и верными наперсниками он крушил врага, пока в одной из схваток его не ранил могущественный повелитель демонов. А дальше...

А дальше автор просто забросил книгу!

Сяочжоу и сейчас, вспоминая об этом, чувствовал глухое раздражение. Знай он финал истории, у него была бы хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне.

В романе после ухода Чжоу Ци из Секты Меча Лянъи об этой крошечной обители в области Баолин больше не упоминалось ни единым словом. Даже во время масштабного вторжения демонов автор обошёл их судьбу молчанием, так что Сяочжоу тешил себя надеждой, что беда обойдёт их секту стороной.

Но больше всего его тревожило другое: в оригинальном тексте у главы секты был единственный сын — Цзян Цзиньюэ. Никакого Цзян Сяочжоу там не существовало вовсе.

Этот самый Цзян Цзиньюэ играл роль мелкого пакостника и завистника. Обладая незаурядным талантом, он вечно оказывался в тени главного героя, из-за чего со временем затаил обиду и принялся строить козни за его спиной. Именно Цзиньюэ после увечья Чжоу Ци убедил отца, главу Цзян, поставить на калек крест и с позором выставить его за ворота.

Главный герой романа — всегда эпицентр бури. Любой, кто окажется рядом, будь то друг или враг, обречён на бесконечные несчастья и смертельные опасности.

Сяочжоу больше всего на свете ценил покой. Он не собирался набиваться в друзья к Чжоу Ци, но и переходить ему дорогу не планировал. Роль обычного, ничем не примечательного старшего брата устраивала его целиком и полностью.

— Что ж, тогда идём, — Сяочжоу набросил на плечи лёгкий плащ и повёл гостя к террасе Обсуждения Меча.

Однако не прошли они и половины пути, как Чжоу Ци выбился из сил.

При каждом вдохе он чувствовал жжение в груди, дрожь в ногах и свинцовую тяжесть в мышцах. Голова кружилась, но мальчик, стиснув зубы, смотрел на удаляющийся впереди

изящный силуэт и упрямо шагал следом, отказываясь признавать поражение.

Под конец он едва ли не полз, цепляясь руками за холодный камень и волоча собственное тело вверх по ступеням. Вид у него был самый жалкий.

Сяочжоу тем временем размышлял о технике Духовного Разума, которой его вчера обучил старейшина Мин И. Он и сам не заметил, как заставил ци циркулировать по меридианам, отчего его шаг сделался на редкость лёгким, а скорость превзошла обычную.

Поэтому, как ни надрывался бедный Чжоу Ци, расстояние между ними неумолимо увеличивалось.

Очнувшись от раздумий, Сяочжоу осознал, что позади стоит полная тишина. Оглянувшись, он увидел, что Чжоу Ци отстал настолько, что превратился в едва различимую в утренних сумерках фигурку.

Сяочжоу так и замер. Горная тропа здесь была узкой, крутой и без единого ограждения — двум путникам не разойтись. Когда он сам впервые поднимался сюда, Мин И ни на шаг не отступал от него, страхуя на опасных участках. А если Чжоу Ци оступится в темноте и сорвётся в ущелье?

«И как мне тогда оправдываться перед отцом? Скажу, что бежал слишком быстро и уморил будущего великого мечника?» — с тоской подумал Сяочжоу.

Он поспешил вниз и вскоре нагнал изнурённого мальчика. Тот стоял на четвереньках, тяжело опираясь на дрожащие руки. Он пылал лихорадочным румянцем, но даже в таком положении он упрямо пытался ползти вверх.

«Ничего себе упорство...» — мысленно восхитился Сяочжоу.

Он вспомнил, как сам впервые одолевал этот подъем: делал привалы через каждые десять шагов, то и дело перекусывал, из-за чего добрался до вершины лишь к глубокой ночи.

А этот ребёнок умуднялся не отставать от его ускоренного темпа, хотя с момента их выхода прошёл едва ли час!

Между тем, глядя на стремительно удаляющуюся фигуру старшего брата, Чжоу Ци чувствовал, как в душу заползает липкое отчаяние.

Он умел притворяться послушным и милым перед взрослыми, но не желал показывать слабость перед сверстником. Собственное бессилие и то, как жалко он сейчас пресмыкался на ступенях, вызывали у него лишь жгучий стыд.

— Устал? — раздался над ухом тихий, мягкий голос. — Если тяжело, давай передохнём.

Чжоу Ци вскинул голову. Сяочжоу стоял всего на две ступени выше, спрятав ладони в широкие рукава халата. Густые иссиня-чёрные волосы мягкими прядями падали на плечи, скрывая выражение лица.

— Я не устал, — упрямо буркнул Чжоу Ци и снова опустил голову.

«И зачем так упрячиться?» — недоумевал Сяочжоу.

Мальчишке от силы пять лет, а гонору — хоть отбавляй. Сам Сяочжоу, обладая разумом взрослого человека, без малейших колебаний признал бы слабость и сдался.

— Ладно, — протянул Сяочжоу. Опасаясь, что изнурённый попутчик свалится от изнеможения, он уселся прямо на ступеньку и достал из рукава горсть ярко-красных плодов. — Но лично я проголодался. Давай перекусим перед дорогой.

Он настойчиво вложил несколько плодов Феникса в ладонь Чжоу Ци, а сам закинул один в рот. Сладкий, ароматный сок мгновенно наполнил рот.

— Они очень сладкие и сытные, мои самые любимые, — невнятно пробормотал Сяочжоу.

Эти редчайшие плоды Феникса стоили не меньше тысячи духовных камней за штуку. Поговаривали, что они растут лишь там, где когда-то вили гнёзда божественные птицы, и содержат в себе чистейшую духовную энергию. Однако в глазах Сяочжоу это лакомство заслужило лишь скромное звание «сладкого и сытного».

Чжоу Ци никогда не отказывался от еды. Он послушно проглотил плод, так и не разобрав его вкуса.

Немного подкрепившись, они возобновили подъем. На этот раз Сяочжоу заметно сбавил темп, двигаясь неспешно и позволяя младшему брату держаться рядом.

— Младший брат, а сколько тебе лет? — спросил Сяочжоу. Раз уж они разделили трапезу, стоило завязать непринуждённый разговор.

— Не знаю... — растерянно и чуть натянуто выдавил Чжоу Ци.

Ему ещё никогда не приходилось общаться со сверстниками на равных. Деревенские мальчишки либо шпыняли его, либо и вовсе обходили стороной. К тому же, таких детей, как Цзян Сяочжоу, он сроду не видывал.

Вся его прошлая компания состояла из замурзанных, босоногих оборванцев, воровавших кур и целыми днями гонявших по пыльным дорогам. Самым завидным женихом в округе считался сын деревенского старосты — упитанный, похожий на мясной колобок малец, который больно дрался и оглушительно ревел по любому поводу.

Когда Цзян Чангэ забрал его в Секту Меча Лянъи, все те чудеса, что великий мастер демонстрировал в пути, казались Чжоу Ци чем-то далёким и непостижимым. Он никак не мог взять в толк, кто же такие эти загадочные заклинатели и небожители.

Но стоило ему увидеть Цзян Сяочжоу, как туманные образы обрели плоть.

«Должно быть, именно так и выглядят дети бессмертных», — подумал он.

Сяочжоу, почувствовав неловкость от своего бестактного вопроса, решил больше не донимать расспросами. В полном молчании они наконец поднялись на террасу Обсуждения Меча.

Старейшина Мин И уже тренировался на площадке. Сяочжоу знал, что его наставник по природе своей не был чистым приверженцем меча, однако это ничуть не мешало ему владеть оружием в совершенстве.

Казалось, этот человек постиг все тайны вселенной — настолько он был силен. Даже Цзян Чангэ однажды признался сыну, что уступает старейшине Мин И в могуществе.

Заметив приближающихся учеников, Мин И плавно опустил клинок. Заметив переплетённые пальцы мальчиков, старейшина удивлённо вскинул брови.

«Надо же, быстро они сошлись», — подумал он.

Впрочем, один был обделённым талантом сыном главы секты, а второй — безродным нищим с потрясающим даром. Сколько могла продлиться дружба между столь разными людьми?

Сяочжоу взял попутчика за руку лишь потому, что у самой вершины тот едва не рухнул от изнеможения без чувств. Увидев старейшину, он поспешно разжал пальцы: всё-таки двум мальчишкам держаться за руки казалось делом довольно нелепым.

Чжоу Ци слегка шевельнул онемевшими пальцами, чувствуя, как чужое тепло мгновенно улетучивается.

— Подойдите ближе, — негромко произнёс облачённый в лазурные одежды старейшина, подметив их смущение. — Сегодня мы займёмся Духовным Разумом. Но сперва... Сяочжоу, ты опоздал на целый час, так что начни с десяти ударов плетью.

Чжоу Ци решительно шагнул вперёд, заслоняя Сяочжоу собственным телом:

— Учитель! Он опоздал только из-за меня, ждал, пока я поднимусь! Если нужно кого-то наказать, накажите меня!

— Я тебе не учитель и мы едва знакомы, так что попридержи язык, — холодно осадил его Мин И, извлекая плетъ Десяти Наказаний. — Оправдания меня не интересуют. Есть проступок — будет кара. И не смей оспаривать мои решения, — добавил он, прищурившись.

Сяочжоу осторожно потянул Чжоу Ци за рукав, уводя в сторону:

— Брось, старейшина всегда такой. Он и мне не учитель. Называй его просто старейшиной, как я.

— Прости... — тихо вымолвил Чжоу Ци, виновато поджав губы.

— Да пустяки, — Сяочжоу великодушно отмахнулся и нехотя поплёлся к Мин И. — Старейшина, будьте милосердны, побейте полегче...

— Протяни руку, — бесстрастно скомандовал старейшина.

Сяочжоу с кислой миной протянул ладонь. Окружённый заботой и роскошью, он вырастил удивительно нежные, пухлые пальчики, похожие на свежие весенние побеги.

Мин И аккуратно перехватил его за кончики пальцев и едва занёс плетъ, как Сяочжоу заголосил на всю гору:

— А-а-а-й! Больно! Смерти моей хотите!

Чжоу Ци онемел от изумления. Плетъ ведь даже не коснулась его кожи...

Мин И покачал головой, едва сдерживая усмешку.

— Будешь орать — ударю в полную силу.

Сяочжоу мгновенно замолк, вытер несуществующие слёзы и во все глаза уставился на грозное оружие.

Раздался резкий шлепок. На бледной, почти прозрачной коже мальчика тут же проступила багровая полоса.

— О-о-х... — Из глаз Сяочжоу брызнули настоящие слёзы.

Он инстинктивно попытался отдёрнуть руку, но железная хватка старейшины не сдвинулась ни на йоту.

Стоявший рядом Чжоу Ци невольно вздрогнул, он напряг плечи. Он опустил взгляд на собственные ладони — загрубевшие, тёмные от грязи, худые, точно сухие ветки сорного куста.

Когда Мин И отсчитал последний, десятый удар, Сяочжоу уже вовсю хныкал. И дело было вовсе не в капризах: детское, не привыкшее к лишениям тело воспринимало любую боль вдесятеро острее, а детские слёзы всегда текли слишком легко.

Старейшина осторожно коснулся воспалённого рубца. Сяочжоу тут же жалобно шмыгнул носом и отдёрнул ладонь.

Мин И, не таясь, весело расхохотался.

«Вот уж воистину, негодяй без капли сочувствия», — хмуро подумал мальчик.

<http://bllate.org/book/20178/2118687>